

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Экспорт прямых инвестиций и эмиграция: опыт современной Индии

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2021) Экспорт прямых инвестиций и эмиграция: опыт современной Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 28–47. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Статья поступила в редакцию 12.12.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья написана по гранту РФФИ: проект 19-18-00251, «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций», МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере независимой Индии исследуется корреляция инвестиционных и миграционных потоков в зарубежные страны. Показано, что индийские инвестиционные потоки, истоки которых берут начало в первой половине 1960-х годов, особенно активно устремились вовне, преимущественно в промышленно развитые страны, после экономической реформы 1991 года. Показаны основные интересы и направления деятельности индийских ТНК, методы их работы за рубежом. Оценены возможности зарубежной деятельности индийских инвесторов в новых условиях, после пандемии коронавируса. Центральные направления инвестиционных потоков и индийской зарубежной миграции (США, Англия, Западная Азия и т. д.) принципиально совпадают. Адаптация индийских переселенцев успешнее происходит в странах распространения английского языка. В качестве отдельной темы

выделена проблема возможной индийской миграции в Россию. Обозначены ее потенциальные положительные и отрицательные последствия для экономики и политики нашей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, иностранные инвестиции, трудовые миграции, география внешнеэкономических связей, индийские мигранты в России

Индия, наряду с Египтом и Турцией, входит в группу государств, где национальное предпринимательство и национальный капитал имели более продолжительную традицию, чем в других странах Востока. И сегодня «пионеры» восточного капитализма сохраняют завоеванные в прошлом позиции. Несмотря на перегруппировку геоэкономических сил, выдвинувшую на «чемпионский пьедестал» Тихоокеанскую Азию, Индия сохранила себя как динамично (хотя и неравномерно) развивающуюся

экономику, в своем движении вперед упорно преодолевающую *внутренние* диспаритеты развития [Володин 2018, с. 79–87].

Индийские зарубежные инвестиции: история и современность

После экономических реформ 1990-х гг. («реформы Манмохана Сингха») [Володин 2010, с. 91–98] Республика заметно активизировала свою деятельность в сфере внешнеэкономических связей, уже в 2000-е гг. выдвинувшись в число восьми ведущих государств Азии по объему прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в народно-хозяйственные комплексы зарубежных стран [Sauvant, Pradhan 2010, р. XXIII]. Смысл этого противоречивого, на первый взгляд, явления в том, что базовые показатели социально-экономического развития и подушевой доход наиболее «современных» (индустриальных) территорий Индии сопоставим с параметрами развития стран со «средним» уровнем доходов населения, которые и выступают основными зарубежными инвесторами среди «переходных экономик». С конца 1980-х гг. (когда индийские ПИИ направлялись преимущественно в развивающиеся страны) произошли зримые перемены: в настоящее время более 60% ПИИ направляются в экономики промышленно развитых стран. На этом направлении деятельности индийских компаний ведущие места принадлежат США и Великобритании. Инвестиции в «продвинутое» народно-хозяйственные комплексы – это своеобразный поиск Индией новых знаний, технологий, приемов организации производства. По известной аналогии подобная модель деятельности получила название «догоняющей» [Cuervo-Cazurra, Ramamurti 2014, р. 7].

Одним из центральных направлений индийских ПИИ уже в 2000-е гг. стало приобретение зарубежных компаний (как правило, западных), оказавшихся в «стесненных обстоятельствах». Заметим: у этого процесса есть собственная солидная история. И так, в начале 1960-х гг. группа компаний «Бирла» («монополия», как подобные финансово-промышленные конгломераты именовали советские индологи) основала текстильную фабрику в Аддис-Абебе, столице Эфиопии. Тогда же конгломерат осуществил довольно скромные по размерам инвестиции в экономику Швейцарии. А чуть позже в процесс инвестирования в зарубежные страны включились другие индийские «монополии»: «Тхапар», «Сингхания», «Мафатлал» и «Годредж». Частные компании, таким образом, стали «первопроходцами» прямого индийского инвестирования в экономики зарубежных стран, тогда как финансово-экономические институты государства оставались в стороне от этого процесса.

Уже в 1980-е гг. число инвестировавших в зарубежные экономики индийских компаний увеличилось почти до полутора сотен. Правящие круги страны, сознавая роль инвестиционной деятельности в расширении номенклатуры экспортных товаров и укреплении позиций Индии за рубежом (главным образом в развивающихся странах), избирательно стимулировали заграничную деятельность компаний, внимательно следя за экспортом машиностроительной продукции и всячески препятствуя вывозу за пределы страны «драгоценной» иностранной валюты. Первоначально география основных направлений ПИИ была довольно ограниченной и исчерпывалась соседними с Индией государствами. Невелик был и набор отраслей производства, на которые распространялись преимуще-

ства участия в процессе ПИИ: химическая, бумажная и текстильная промышленность практически исчерпали список «привилегированных» отраслей.

Ситуация с интенсификацией и диверсификацией потоков ПИИ начала меняться, и осознано, с первой половины 1990-х гг., а импульсом к сдвигам послужила «реформа Манмохана Сингха» (1991 г.). Список компаний-инвесторов значительно расширился. К концу 2000-х гг. их число возросло до более чем двух тысяч, тогда как состав «традиционных» индийских *промышленных домов* был дополнен мелкими и средними предприятиями, положительно зарекомендовавшими себя в «новой» рыночной среде. В число «новых инвесторов» вошли, с одной стороны, государственные нефтяные и газовые конгломераты, и компании, производящие продукцию с высокой долей добавленной интеллектуальной стоимости, с другой.

Соответственно произошли сдвиги и в географических направлениях ПИИ из Индии; центральное место заняли ПИИ в экономику промышленно развитых стран, таких как Великобритания, США, Нидерланды. В ходе экономической реформы пакет стимулирующих мер (отмена ограничений на рост объемов операций компаний, лишение госпредприятий привилегированного положения на внутреннем рынке, снижение импортных пошлин) имел следствием интенсификацию конкурентного соперничества на внутреннем рынке и потребовал от местных компаний специализации и диверсификации в выпуске необходимой продукции, повышения производительности труда и повышения качества выпускаемых изделий.

Опасаясь международных санкций в отношении компаний, нарушающих принятые интернациональные стан-

дарты защиты прав интеллектуальной собственности, индийские фирмы со второй половины 1990-х гг. значительно увеличили расходы на НИОКР, а с начала нового тысячелетия обратились к приобретению новейших технологий за рубежом. Заимствование необходимых технологий происходило в процессе образования *партнерств-альянсов* с ТНК развитых стран, что обеспечивало приобретение требуемых знаний и умений (компетенций), тогда как такие компании, как Ranbaxy (фармацевтика), непосредственно приобретались зарубежными ТНК [Cuervo-Cazurra, Ramamurti 2014, pp. 146–147]. Впоследствии либерализация режимов приема ПИИ и международной торговли повысила заинтересованность индийских компаний в работе на рынках развитых стран. Поставленные глобализацией и экономической реформой 1991 г. в положение физического выживания, крупные и крупнейшие индийские «промышленные дома» устремляются на внешние рынки в поисках необходимого производственного опыта, недостающих профессиональных знаний, экзистенциально важных технологий.

В ходе этого нового для индийских компаний процесса начинают меняться и побудительные мотивы их деятельности. На смену участию в работе совместных предприятий приходит приобретение за рубежом целых промышленных комплексов, нередко созданных на основе новейших технологий. В поле зрения «негоциантов» из Индии оказываются заводы машино- и станкостроения, электротехники, фармацевтической отрасли, производства транспортного оборудования и химического кластера. Особый интерес проявляется индийцами к автомобильной и медицинской промышленности. Проникновение на западные рынки рассматривается как кратчайший путь к

повышению производственной гибкости индийских предприятий, их своевременной адаптации к возможным (и нередким) «капризам» мировой торговли и неизбежному противодействию более сильным западным конкурентам. Компании, занятые в сфере информационных технологий, начинают ориентироваться преимущественно на рынки развитых стран, которые являются центральным и емким источником спроса на индийскую промышленную продукцию.

Однако абсолютные объемы индийских ПИИ продолжали выглядеть скромно, особенно на фоне бурной инвестиционной деятельности китайских компаний. Так, по данным ЮНКТАД, за 2000–2015 гг. интенсивность индийских инвестиционных потоков в зарубежные страны возросла незначительно, с 1,165 до 1,594 млрд долларов. Доля индийских ПИИ в глобальных инвестиционных потоках в 2015 г. составила только 0,47%, тогда как на китайские ПИИ пришлось «целых» 8%. В том же 2015 г. доля ПИИ в национальном ВВП у Индии составила 0,36%, тогда как у Китая – 1,14% (при значительно превосходящем объеме народного хозяйства) [Chaudhry, Tomar, Joshi 2018, p. 6].

Рост и развитие подобных компаний принято объяснять наличием *высококачественной* рабочей силы (владеющей инструментарием знания в области точных наук, прежде всего математики); толчком к развитию промышленности информационных технологий первоначально послужил спрос предприятий госсектора, а затем – либерализация режима иностранных инвестиций как часть «программы» экономической реформы 1991 г. В свою очередь овладение необходимыми знаниями и производственными навыками подтолкнуло некоторые компании к активному проникновению на рынки информационных технологий стран

Запада. Инвестиционная деятельность на рынках развитых стран выступала своеобразным «модернизатором» промышленности информационных технологий в Индии. Преимуществом «крупнейшей демократии мира» стала относительная дешевизна местной рабочей силы, с одной стороны, и довольно активный рост мировой торговли после распада *биполярного* мира – с другой.

Уже отмечалось: в 1990-е гг. и в первое десятилетие нынешнего века началась активная диверсификация структуры индийских ПИИ в зарубежных странах. Особенно энергично этот процесс происходил в автомобильной промышленности, фармацевтике и в кластере информационных технологий, т. е. в отраслях с высокой долей добавленной интеллектуальной стоимости. Целесообразно отметить: все эти сегменты индийского народного хозяйства в предшествовавшие десятилетия активно развивались во многом благодаря политике индийского государства по стимулированию передовых отраслей производства. Такая политика подразумевала многопрофильное сотрудничество Индии с западными ТНК (фармацевтика) и ведущими японскими фирмами (автомобилестроение). Так закладывался фундамент развития «модернизированных» индийских компаний, которые в начале XXI века попытались стать *субъектами* ПИИ на рынках развитых стран.

Наиболее привлекательным рынком для индийских инвестиционных компаний оказались *Соединенные Штаты*. В 2019 г. общий объем индийских ПИИ в США составил 5 млрд долларов, не превысив, однако, уровень 2018 г. (Между прочим, совокупный объем индийских ПИИ в зарубежных странах в 2020 г. составил 46,82 млрд долларов.) В этой связи отметим, что общий объем зарубежных ПИИ в Со-

единенных Штатах в 2019 г. составил 4,46 трлн долларов¹. Большинство индийских инвестиционных компаний в этой стране действуют в отраслях «экономики знаний», т. е. в кластере информационных технологий, фармацевтике, химической промышленности, причем около половины этих фирм по возрасту совсем «юные»: они основаны не более 20 лет тому назад. Стратегия их действий сфокусирована на *приобретении* американских компаний, а не на создании совместных предприятий. В числе индийских компаний, работающих на американском рынке, довольно много средних и мелких фирм, специализирующихся как на традиционно понимаемом производстве, так и на *услугах*. Американский рынок привлекает индийские компании своей значительной емкостью и благоприятным инвестиционным климатом (включая невысокие налоги), а также довольно хорошо развитой «физической» и институциональной инфраструктурой.

Значительным потенциалом привлекательности для индийских инвесторов обладает также *Германия*. В этой стране действуют более 200 индийских компаний, включая такие крупные и «опытные» фирмы, как «Махиндра» и «Тата». Общий объем индийских ПИИ в Германии превышает 7 млрд долларов. Более половины зарегистрированных в этой стране индийских компаний заняты в сфере информационных технологий. Помимо этого, немало индийских фирм работают в фармацевтическом кластере и автомобильной промышленности (в качестве субконтракторов). Среди преимуществ инвестирования в Германии выделяются такие факторы, как близость к потребителю и «смежнику», возможность макси-

мально адаптировать необходимые качества изделия к запросам и вкусам покупателей, а равно и облегченный доступ индийским компаниям на наиболее емкий в Европе внутренний рынок. Вообще, за Германией в Индии закрепилась репутация «двери в Европейский союз».

При описании успехов, достигнутых Индией в сфере зарубежного инвестирования, нельзя не отметить *разномасштабность* индийских и китайских инвестиционных потоков. Необходимо признать: индийские компании все еще существенно отстают от своих китайских *визави* по объему экономической деятельности. Китайские инвестиции отличает высокая степень координации и целевая направленность, «программируемая» государством, тогда как индийские ПИИ по большей части остаются «рисковыми» инициативами местного частно-корпоративного сектора. Тем не менее некоторые развивающиеся страны (например, африканские) умело пользуются конкурентной борьбой Индии и Китая, чтобы получить на максимально выгодных финансовых условиях доступ к желанным технологиям, в частности в области нефтеразведки и нефтедобычи.

Активизация инвестиционной деятельности индийских компаний за рубежом непротиворечиво «укладывается» в типическую модель поведения крупных финансово-промышленных групп незападного мира (включая Латинскую Америку), не готовых довольствоваться подчиненной ролью в «пьесе» под названием «глобализация», но, напротив, искать счастья у «чужих берегов», используя опыт пионеров интернационализации мировой экономики. Нетрудно догадаться, что про-

1 Duffin E. (2020) Foreign Direct Investment (FDI) from India in the U.S. from 2000 to 2019 // Statista, November 10, 2020 // Statista.com/statistics/188940/foreign-direct-investment-from-india-in-the-united-states/, дата обращения 25.01.2021.

должающиеся процессы деглобализации и регионализации мирового экономического пространства станут (а возможно, уже становятся) невольными «инструментами» дальнейшего укрепления позиций таких индийских компаний, как Infosys, Mittal, Tata Group, Mahindra, в сегментах производства информационных технологий, выплавки стали, «индустрии гостеприимства», автомобилестроения и т. д. Уже сегодня наряду с китайскими и корейскими компаниями «продвинутые» индийские фирмы становятся повседневными *торговыми марками* как на региональных, так, отчасти, и на глобальных рынках.

Узнаваемость индийских компаний на международных рынках информационных технологий, например, связана с двумя обстоятельствами *исторического* происхождения. Во-первых, в Индии с незапамятных времен была сильна математическая традиция. В период колониализма эта традиция стала важным интеллектуальным компонентом *сверхаккуратной* индийской статистики, правила которой остаются незыблемыми и по сей день. Во-вторых, созданная после 1947 г. по личной инициативе Джавахарлала Неру, первого премьер-министра независимой Индии (1947–1964), система *индийских технологических институтов* сообщила мощный импульс развитию естественных и технических наук, а впоследствии – и кластеру информационных технологий. (К несчастью для индийской экономики, многие выпускники национальных технологических институтов в поисках лучшей доли переселились за рубеж, в первую очередь в США.) Правда, развитие процессов глобализации «воссоединило» специалистов Индии и Америки в сфере информационных технологий, и в настоящее время индийские технологические компании де-факто превратились в индо-американские

конгломераты, активно использующие относительно недорогую рабочую силу на емком американском рынке с немалой выгодой для предпринимателей с полуострова Индостан.

Вместе с тем появляющиеся на международных рынках индийские ТНК пока трудно сравнивать с западными и японскими аналогами в части объемов их деятельности, наполненности потоков ПИИ и *агрессивности* их экономических стратегий. Тем не менее традиционно сильные (идушие из доколониального и колониального прошлого) позиции индийцев в легкой промышленности позволяют Республике развивать инвестиционную деятельность в странах Азии и Африки, пользуясь, с немалой выгодой для себя, культурным влиянием индийской цивилизации в государствах бассейна Индийского океана. В своих проектах в развивающихся странах Индия стремится максимально использовать *собственную* рабочую силу с целью разрядить напряженную ситуацию на рынке труда в своей стране. (В рамках программы экспорта избыточной рабочей силы индийцы пытаются вовлечь в ее круговорот и Россию, о чем речь пойдет ниже.) Одновременно индийские федеральные и региональные власти стремятся привлечь в страну рабочую силу (в основном соотечественников, осевших на Западе и в государствах Персидского залива), соединяющую в себе высокие профессиональные навыки, с одной стороны, и относительно невысокую («разумную») стоимость – с другой.

В свою очередь американские, западноевропейские и японские ТНК не спешат делиться с индийскими компаниями своими «продвинутыми» технологиями, производственными навыками и организационным опытом. Законы глобализации ведь не предусматривают «филантропию» на поле международной торговли и ПИИ. Мож-

но, таким образом, предположить: продолжающаяся пандемия коронавируса определенно осложняет условия существования на международных рынках (включая инвестиционный) для ТНК из развивающихся стран, включая Индию. Неизбежное в условиях пандемии «укорочение» трансграничных производственных «цепочек» неблагоприятно отразится на международных позициях Индии не только в сфере экспорта ПИИ, но также и в области моторов и автомобилестроения, фармацевтики, нефтепереработки, легкой и пищевой промышленности, производства строительных материалов и т. п. Неизбежно индийским компаниям, включая ТНК, придется сузить географию своей деятельности, учитывая возможную деглобализацию и регионализацию мировой торговли и внешнеэкономической деятельности.

В текущем (2020/2021) финансовом году объем индийских зарубежных ПИИ составил около 13 млрд долларов (на конец ноября 2020 г.). Основными направлениями инвестиционных потоков стали Сингапур, США, Британские Виргинские острова, Нидерланды и Маврикий. На эти пять стран пришлось почти 70% всех инвестиционных вложений. Основными пятью инвесторами выступили следующие компании: JSW Steel, ONGC Videsh, HCL Technologies, Haldia Petrochemicals, Mahindra & Mahindra с индивидуальными «вкладами», превышающими 500 млн долларов у каждой промышленно-финансовой группы. Инвестиции осуществлялись в *четыре* хозяйственных кластера: страхование и финансовые и бизнес-услуги; сельское хозяйство и горную промышленность; оптовую и розничную торговлю; ресто-

ранное и гостиничное дело. Как и в прошлом, зарубежные инвестиции преследовали цель диверсификации источников доходов индийских компаний, с одной стороны, и повышения эффективности деятельности на внутреннем индийском рынке – с другой².

Миграционные потоки как фактор экономического роста: роль Индии

Общеизвестно: экономический рост и развитие опираются на как минимум *четыре* несущих конструкции: 1) внятную стратегию модернизации; 2) благоприятный инвестиционный климат для национального и иностранного капитала; 3) непротиворечивые правовые основы предпринимательской деятельности; 4) достаточный для энергичной хозяйственной динамики *демографический* потенциал. Последнее обстоятельство, как представляется, заслуживает специального внимания. В свое время выдающийся американский экономист и историк Ч. Киндлбергер обратил внимание на экзистенциальную важность демографического потенциала при переходе общества к индустриально-капиталистическому способу производства. Сравнивая «образцовую» (по характеристике Гегеля, а затем и Маркса) Голландию с «догоняющей» Англией, ученый отмечал демографические потери как один из факторов *исторического отступления* Нидерландов (как правящие круги предпочитают именовать свою страну сегодня) и экономического и политического упадка государства [Kindleberger 1996, pp. 103–104]. Нечто подобное мы наблюдаем в развитых странах Западной Европы в наши дни,

2 Prasad N. (2020) These Indian Firms Made Highest Foreign Investment This Year // NDTV, December 19, 2020 // ndtv.com/business/foreign-direct-investment-these-firms-made-highest-foreign-investment-this-year-2340975, дата обращения 03.02.2021.

где «старение» населения остро ставит проблему поиска «демографического дивиденда»; попытки возместить недостающую рабочую силу нередко оборачиваются интенсификацией миграционных потоков из зоны Глобального Юга с неизбежным изменением социально-демографической структуры общества и обострением конфликтов и на экономическом, и на *культурно-цивилизационной* основе. С этой проблемой может столкнуться и Россия, если вовремя ее не идентифицировать и не выработать алгоритм нейтрализации неблагоприятных последствий изменения расово-этнической и *цивилизационной* «матрицы» нашего общества.

Общественная мысль России чутко реагирует на обостряющиеся неблагоприятные тенденции в демографическом развитии социума. Прорабатываются различные сценарии выхода из «демографического тупика». Так, например, активно обсуждается импорт рабочей силы из стран не-Запада, в частности из Индии. Оценки действительности столь нетривиального подхода к демографической проблематике варьируют в широком диапазоне. Справедливости ради стоит отметить, что и индийская сторона находится в стадии размышлений. Ведь хорошо известно, что индийские партнеры рассматривают Россию как некий «запасной вариант», поскольку трудовые миграции из этой страны уже имеют проверенные временем и обстоятельствами маршруты. Среди этих маршрутов обычно выделяют *три* основных направления: *Западная Азия, Западная Европа, Соединенные Штаты Америки*.

Траектории миграционных маршрутов отражают основные направления внешнеэкономических связей и

базовые принципы внешней политики Индии. Поиск внешнеполитической парадигмы этой страной, как представляется, продолжается до сих пор. Список-15 основных внешнеторговых партнеров страны выглядит следующим образом (экспорт): 1) США (16% общей стоимости), 2) ОАЭ (9%), 3) Китай (5,1%), 4) Гонконг (4,1%), 5) Сингапур (3,2%), 6) Великобритания (3%), 7) Германия (2,8%), 8) Бангладеш (2,7%), 9) Нидерланды (2,7%), 10) Непал (2,3%), 11) Бельгия (2,1%), 12) Вьетнам (2,1%), 13) Малайзия (2%), 14) Италия (1,7%), 15) Саудовская Аравия (1,7%). Основные географические направления индийского импорта – Китай, США, ОАЭ, Швейцария, Саудовская Аравия. Попутно отметим: в течение последних 15 лет Индия имеет устойчивый и значительный дефицит внешнеторгового баланса. Так, в 2019 г. превышение импорта над экспортом составило 153,5 млрд долларов³. Направления миграционных потоков из Индии в принципе совпадают с векторами внешнеэкономических связей. Как видно, Россия на этом пространстве представлена весьма слабо. Итак, кратко охарактеризуем основные направления миграционных потоков из Индии.

1. ЗАПАДНАЯ АЗИЯ.

Нехватка рабочей силы, в т. ч. квалифицированной, в данном регионе до недавнего времени стимулировала миграционные потоки, причем не только из Индии, но и из других стран Южной Азии (Пакистан, Бангладеш). Работодателей в принципе устраивало качество индийской рабочей силы, а равно и низкие требования мигрантов в части оплаты их труда. Однако в последнее время страны Западной Азии, стал-

³ Trade Balance in India (2020) // Focus-Economics // focus-economics.com/country-indicator/india/trade-balance, дата обращения 30.01.2021.

квивающиеся с определенными экономическими трудностями в связи с регрессивной динамикой цен на нефть на мировом рынке, вынуждены ограничивать поток мигрантов. Более конкретными причинами замедления миграционных потоков из Индии в Западную Азию стали: 1) пандемия коронавируса, создающая угрозу здоровью и жизни миллионов индийцев-«экспатов» и членов их семей (из 31 млн индийских трудовых мигрантов в мире 8,5 млн приходится на страны Персид-

ского залива, где индийцы пока составляют более 30% иностранной рабочей силы); 2) уменьшение перепада зарплат в Индии, с одной стороны, и в странах Западной Азии – с другой; 3) рост стоимости жизни в странах Персидского залива, делающий невыгодным пребывание индийцев в регионе, особенно представителей малоквалифицированного труда; 4) запуск в государствах региона национальных программ занятости, напрямую угрожающих интересам индийских трудовых мигрантов.

Таблица 1. Индийские мигранты в странах Азии
Table 1. Indian migrants in Asia

Страна	2015	2016*	2017	2018	2019**	Всего за 5 лет
Саудовская Аравия	306 000	162 000	73 000	66 000	143 000	750 000
ОАЭ	225 000	159 000	141 000	103 000	42 000	670 000
Кувейт	67 000	70 000	51 000	52 000	72 000	245 000
Оман	85 000	61 000	4 900	32 000	26 000	209 000
Катар	59 000	29 000	22 000	32 000	28 000	168 000
Бахрейн	16 000	12 000	10 000	9 000	9 000	28 000
Малайзия	21 000	10 000	13 000	16 000	10 000	70 000
Другие	85 000	15 000	2 000	2 000	4 000	108 000
Всего	781 000	506 000	361 000	312 000	334 000	2 294 000

* – на 15 декабря, ** – на 30 ноября

Таблица 2. Структура индийского населения в арабских монархиях Персидского залива в 2018 г.

Table 2. Structure of the Indian population in the Arab monarchies of the Persian Gulf in 2018

Страна	Индийцы-нерезиденты	Лица индийского происхождения	«Зарубежные» индийцы, всего
Бахрейн	312 918	3 257	316 175
Кувейт	928 421	1 482	929 903
Оман	688 226	919	689 145
Катар	691 539	500	692 039
Саудовская Аравия	2 812 408	2 160	2 814 568
ОАЭ	3 100 000	4 586	3 104 586
Всего	8 533 512	12 904	8 546 416

В Саудовскую Аравию и страны Персидского залива мигранты из Индии в поисках средств существования ездят уже давно. Напомним: для Индии денежные переводы от работающих в Саудовской Аравии и странах Залива фактически закрывают значительную часть дефицита национального платежного баланса. (По оценкам индийских экономистов, ежегодная сумма получаемых Индией из Западной Азии денежных средств приближается к 40 млрд долларов при общей сумме зарубежных финансовых поступлений (на 2018 г.) в размере более 78 млрд долларов; в свою очередь Всемирный банк оценил в 83,1 млрд долларов сумму денежных переводов в Индию в 2019 г. На 2020 г. общий объем денежных переводов индийцев оценивается данным финансовым институтом в 76 млрд долларов, из-за пандемии коронавируса.) Намечающийся в связи с неопределенными перспективами завершения пандемии коронавируса отток индийской рабочей силы из Западной Азии в меньшей степени затронет Саудовскую Аравию, где 57% младшего медицинского персонала составляют выходцы из Индии. Основными своеобразными «донорами» индийской экономики в Западной Азии выступают ОАЭ, Саудовская Аравия и Кувейт, что нам проиллюстрировали две таблицы [Calabrese 2020].

2. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

На 2019 г. Индия занимала первое место в мире по количеству «международных» мигрантов в страны данного ареала. Их численность составляла 17,5 млн человек. Индийцы, мигранты и переселенцы, представлены в социальной структуре практически всех западноевропейских стран. Наиболее вольготно выходцы из Индии чувствуют себя в Великобритании, где проживают мигранты нескольких волн переселен-

ческой активности. Переезд на постоянное место жительства в бывшую метрополию начинался еще в период империи. После завоевания Индией суверенитета (1947 г.) миграционная активность претерпевала взлеты и падения, однако индийцы, переселявшиеся в бывшую метрополию, как правило, не возвращались на свою историческую родину. К настоящему времени индийцы без преувеличения «вросли» в социальную структуру общества Соединенного королевства, нередко заключая межэтнические браки, что затрудняет точную оценку их общей численности на Британских островах. Согласно некоторым оценкам, в 2007–2011 гг. на Британские острова переселились около 280 тыс. жителей стран Южной Азии (в 2001–2006 гг. – 310 тыс., что заметно превышает показатели до 1981 г.) [Cohen 2019, p. 87]. На 2014 г. уроженцы Индии составляли 34% от общего числа «приезжих» врачей Соединенного королевства [Cohen 2019, p. 158]. Готовность возвратиться на историческую родину проявили единицы, в лучшем случае десятки врачей. Связь с исторической родиной, таким образом, у мигрантов из Индии и Южной Азии выражена *нечетко*.

Вслед за Соединенным Королевством со значительным отрывом следуют Нидерланды, Италия, Португалия, Германия, Франция, Испания, Австрия, Швеция, Ирландия, Бельгия. В последние годы наблюдался медленный, но устойчивый рост индийской миграции в страны Западной Европы (помимо Великобритании). Основную часть мигрантов составляют специалисты в области информационных технологий. В индийских СМИ распространено мнение, согласно которому в Западной Европе их страна по-прежнему воспринимается как «обитель» заклинателей змей и магов-чудотворцев. Такое состояние общественного мнения в неко-

торых странах-старожилах ЕС индийцами связывается с наличием устойчивых пережитков расизма, чего якобы нет в странах Северной Америки. В то же время индийские аналитики вынуждены признать: Западная Европа понесла существенные потери в результате нелегальной индийской миграции, от которой пострадали такие сектора хозяйства, как строительство, агросфера, различные отрасли промышленности.

3. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Массовые миграции индийцев в Америку начались во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. В настоящее время индийская община в США насчитывает более 4 млн человек, несколько уступая по численности китайской (4,8 млн человек) [Khanna 2019, p. 217]. По уровню доходов на душу населения индийская община в стране – одна из наиболее состоятельных групп. Одна только промышленность брачных аксессуаров, обслуживающая индийскую общину в Америке, ежегодно вносит около 5 млрд долларов в ВВП США. На выборах американцы индийского происхождения голосуют дисциплинированно, в целом поддерживая республиканцев, особенно за акцент на борьбе с терроризмом и за снижение налогов. (Правда, работающие в секторе информационных технологий индийцы предпочитают Демократическую партию.) По состоянию на 2014–2018 гг. наибольшая концентрация выходцев из Индии приходилась на Большой Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и Сан-Хосе. На эти конурбации приходилось около 30% всех проживающих в США индийцев. Администрация Д. Трампа подчеркнуто оказывала знаки внимания индийской общине, тем более что последняя активно влияет на внутреннюю и внешнюю политику Индии в благоприятном для США направлении. Без преувеличения,

индийская община стала важным инструментом распространения «мягкой силы» Америки в этой стране.

На какие индийские штаты приходятся основные миграционные потоки? Так, в 2018 г. было зафиксировано следующее распределение (по штатам) зарубежных миграционных потоков: 26% представляли Уттар Прадеш, 18% – Бихар (наиболее населенные штаты Индии), Западную Бенгалию – 12%, Раджастан и Тамилнаду – по 9%, Кералу – 8%, Пенджаб – 6%, Андхра-Прадеш и Теленгану – по 4% [Calabrese 2020].

Западная Азия, Соединенные Штаты и Западная Европа (прежде всего бывшая метрополия, Великобритания) – вот основные и предпочтительные направления индийской миграции. Может ли Россия принимать столь значительные миграционные потоки? Насколько целесообразна индийская миграция в нашу страну? Что думают сами индийцы о перспективах временного (а может быть, постоянного) переселения в Российскую Федерацию? Ответы на эти вопросы не являются однозначными.

Индийская миграция в Россию: pro et contra

Соотношение масштабов территории и количества экономически активного населения в России выступает одним из факторов, препятствующих энергичному экономическому росту. Перед страной объективно встает проблема импорта «демографического дивиденда», т. е. квалифицированной рабочей силы. Оценки желательной численности населения для России в экспертном сообществе колеблются в довольно широком диапазоне. Однако средневзвешенные цифры попадают в «воронку» 200–220 млн человек. Возникает вопрос: где отыскать недостающие

50–70 млн квалифицированных работников «фертильного» возраста?

Понятно, что внутренняя демографическая политика государства, пусть самая эффективная, в обозримой перспективе не сможет разрешить столь масштабную проблему. Неизбежный выход из демографического тупика видится в стимулировании миграционных потоков из государств постсоветского пространства. Важное (если не определяющее) условие импорта «демографического дивиденда» – форсированный экономический рост в России (минимально 6–7% в годовом исчислении), на траекторию которого страна вынуждена выходить незамедлительно.

Проблема пополнения резервуара трудовых ресурсов обсуждается как минимум с середины 1990-х гг. Помимо импорта квалифицированной рабочей силы из бывших республик СССР (Украина, Белоруссия, Прибалтика, Казахстан и т. п.), предлагаются различные сценарии наполнения народного хозяйства экономически активным населением из-за рубежа. Это и возвращение немцев, покинувших нашу страну в 80–90-е гг. прошлого века, и даже такие экзотические «проекты», как привлечение в Российскую Федерацию трудолюбивых и образованных буров, испытывающих бытовые, политические и расово-этнические трудности у себя в Южной Африке. Нынешняя демографическая ситуация в России столь серьезна, что приходится оценивать действенность других, столь же нетривиальных методов восполнения нехватки трудовых ресурсов.

В последние 15–17 лет активно обсуждается, то возгораясь, то затухая, тема привлечения квалифицированной рабочей силы из Индии. На российском Дальнем Востоке уже трудятся специалисты из Индии. Сфера их деятельности – это прежде всего совместные

энергетические проекты. В связи с проведением в 2019 г. очередного Восточного экономического форума во Владивостоке назывались возможные отрасли приложения занятости для индийцев: добыча полезных ископаемых и минерального сырья (уголь, нефть, газ, алмазы), заготовка древесины, различные виды агропроизводства. Оставляя в стороне тему биологической и культурной адаптивности индийцев в России (именно на массовом, а не на индивидуальном уровне), отметим: 1) «демографический дивиденд» (т. е. квалифицированная рабочая сила) необходим в самой Индии, где активно обсуждаются такие феномены, как «экономика знаний» и «умные города»; 2) способность индийцев к трудовой деятельности, даже физически развитых и крепких жителей северного штата Пенджаб, резко снижается в высоких широтах (в частности, на российском Дальнем Востоке), где рабочая сила востребована в первую очередь. Помимо этого, в последние десятилетия, как говорилось выше, сформировались несколько географических направлений, которые пользуются особым вниманием реальных и потенциальных мигрантов из Индии. Целесообразно остановиться на проблеме миграционных потоков из Индии в Россию более детально.

До начала пандемии коронавируса официальный Дели изучал возможности экспорта рабочей силы на Дальний Восток. Тема индийской трудовой миграции звучала в кулуарах Восточного экономического форума во Владивостоке в начале сентября 2019 г. Правда, тогда индийские официальные лица подчеркивали: переговоры между Москвой и Дели находятся в начальной стадии и предварительно потребуются заключить соответствующее соглашение о регулировании миграции между двумя странами. Индийская сторона рассчитывает на использование трудо-

вых мигрантов в России на добыче полезных ископаемых (угля, нефти, газа, алмазов), заготовке древесины, в сельском хозяйстве.

Уже существуют проекты «завоза» индийской рабочей силы на российский Дальний Восток. Согласно концепции одного из таких проектов, правительство Индии берет в аренду примерно 50 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий в России. Затем эти земли, как предполагается, передаются в аренду индийским аграрным объединениям. Последние организуют «доставку» рабочей силы и начинают выращивать сою, пшеницу, овощи и т. п. Цель подобного производства – вывоз выращенного урожая в Индию. Часть агропродукции, как предполагается в проекте, реализуется на российском рынке.

При оценке намерений индийского правительства целесообразно учитывать, что нагрузка на ресурсный потенциал сельского хозяйства в этой стране возрастает практически с каждым годом, по мере того как разрушается *эко-система* общества. Проблему «обрушения» среды обитания правительство Индии не первый год пытается урегулировать за счет интенсификации миграционных потоков в различных направлениях, включая Россию. Попутно решается проблема стимулирования индийской экономики инвестициями в виде денежных средств, получаемых индийцами в стране временного пребывания. Однако, отмечают специалисты, столь крупное начинание не может не сопровождаться серьезными побочными проблемами как «технического», так и системно-политического характера. Обозначим некоторые из них.

1. Количественные ограничения и дополнительные пошлины на ввозимую в Индию агропродукцию (например, грецкие орехи для индийского рынка, выращенные в южных регионах России).

2. Неизбежное повышение ввозных цен, ввиду протекционистской политики правительства Индии, на такие важные и трудозатратные культуры, как соя и пшеница.
3. Трудности лингвистической и цивилизационной адаптации индийской рабочей силы к условиям России, особенно при отсутствии национальной диаспоры в принимающих странах (в отличие, например, от Великобритании и США), первоначально выполняющей функцию «культурного буфера» в незнакомой (а то и враждебной) социальной среде.
4. Сложности приспособления индийского «человеческого материала» к особенностям природно-климатического режима высоких широт российского Дальнего Востока.

Индийские авторы отмечают, что адаптация их соотечественников в России начинается с выработки своеобразного «иммунитета» к непривычному климату, преодоления языкового барьера и сохранения за рубежом традиционных кулинарных пристрастий. В настоящее время в России проживают примерно 14 тыс. индийцев-мигрантов. Основными местами их расселения остаются Москва и Санкт-Петербург. В основном это выходцы из штатов Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия, Бихар, Тамилнад, Пенджаб, Керала, Андра-Прадеш, Гуджарат. Среди сообщества мигрантов выделяется студенчество (4 500 человек, или около 30%). Большинство членов этой группы – студенты медицинских университетов и институтов в различных городах России. Как известно, профессия врача по-прежнему престижна в Индии. Она сулит неплохие заработки и твердый, постоянный доход.

Основная часть новоявленных медиков возвращаются на родину, тогда как некоторые дипломированные специалисты предпочитают начать свое дело в России, порой вступая в браки с российскими девушками. Для адаптации родившихся от смешанных российско-индийских браков детей действует специальная программа посольства Индии в Москве. Таких семей немного, всего около 300. Отмечается, что даже среди детей (второе поколение), родившихся в индийских семьях в России, нередки случаи «культурного стресса». Иначе говоря, дети чувствуют себя уютнее в Москве и Санкт-Петербурге, чем, скажем, в Дели или Мумбаи.

Однако образованные индийцы (точнее, та их часть, которую в социологической науке принято называть «демографическим дивидендом») в целом довольно сдержанно относятся к перспективе переселения в Россию. Их доводы против переезда в Российскую Федерацию можно обобщенно представить в следующем виде.

1. *Неопределенность экономических перспектив.* Индийцы в своей основной массе не способны общаться на русском языке, поскольку языком обучения в этой стране, начиная со школьной скамьи, остается английский. Поэтому для индийцев естественной и предпочтительной выглядит эмиграция в Англию, США и Канаду, где, помимо «дружественной» лингвистической среды, существуют благоприятные условия для ведения бизнеса, включая мелкий и средний. Массовая эмиграция, в основном в США, началась с развитием сферы информационных технологий. Индийские технологические институты стали своеобразной «кузницей кадров» для американской промышленности информационных технологий. Помимо этого, в России существует конкуренция в данной сфере экономической дея-

тельности, поскольку российский бизнес только-только завоевывает отечественное пространство информационных технологий и не заинтересован в «посторонней» конкуренции. Наконец, в Индии сформировалось устойчивое представление о том, что после распада СССР Россия утратила «ключевые» характеристики развитого общества, способного адаптировать новейшие технологии. Пропаганда этой «версии» развития нашей страны действительно внедряется в массовое сознание «большой печатью» Индии, регулярно публикующей также материалы о «массовой коррупции» и «проблемах с законностью и порядком» в России.

2. *Превратности российского законодательства.* Среди определенной части индийцев бытует мнение о «чрезмерной жесткости» российского миграционного законодательства. Согласно мнению мигрантов со стажем, визу для работы в России получить «чрезвычайно тяжело». Некоторые «эксперты» по миграции ссылаются на интервью Президента России, в котором задержка с получением натурализации для гражданина Франции, сотрудничающего с компанией Russia Today, объясняется опасениями «бесконтрольной» выдачи виз, что некоторыми в Индии рассматривается как «неприкрытое проявление расизма».

3. *«Закрытость» для иностранцев культурной «матрицы» России.* Индийцы полагают, что российской культурной системе, закрытой по самой своей сути, чужды принципы «мультикультурализма» и «открытости» внешнему миру. Индийцы же предпочитают проживать в обществах «открытого» типа. Многие из них рассматривают, например, Англию, Канаду и США как «вторую родину». В категорию «открытых» обществ входят также Австралия, Новая Зеландия и, отчасти, Сингапур.

4. *Трудности лингвистической адаптации.* Строго говоря, в неанглоязычной среде (Франция, Австрия, Германия, Италия, Швейцария и т. п.) индийцы расселяются в случае крайней необходимости. Проживающие в РФ выходцы из «крупнейшей демократии мира» считают, что русский – язык чрезвычайно трудный для овладения даже его основами, к тому же требующий знания весьма сложной грамматики. В то же время в России повседневное общение на английском языке возможно только в относительно узкой социальной среде (в части российского делового сообщества, ориентированной на связи с внешним миром).

5. *Особенности климата в России.* Среди индийцев бытует мнение, что в России не менее *шести* месяцев в году преобладает холодная погода, к которой чрезвычайно трудно приспособиться жителям низких широт.

6. *Качество образования в России.* По сравнению с советским периодом, согласно преобладающим индийским оценкам, качество медицинского и инженерного образования (которое предпочитают индийские абитуриенты) в России значительно снизилось. Помимо этого, отсутствие помощи со стороны российского и индийского правительств вынуждает студентов совмещать учебу с работой, что еще больше понижает качество получаемого образования.

Знающий и чувствующий Россию журналист-аналитик Аджай Камалакаран (Ајау Камалакаран) оценивает количество проживающих в России на «непостоянной» основе индийцев в 10 тысяч человек (исключая студентов). Положение таково, что в городах-миллионерах (за пределами Москвы и Санкт-Петербурга) присутствие индийцев практически не ощущается. Так, из 500 индийских бизнесменов в России более 200 проживают в Москве. Автор отме-

чает: индийская община в Москве ведет замкнутый образ жизни и не оказывает значимого влияния на характер экономических процессов в столице России. Студенческие сообщества индийцев сконцентрированы в Твери, Смоленске и Владивостоке.

А. Камалакаран категорически не согласен с теми, кто утверждает, будто возможности для бизнеса индийцев в России ограничены. В постпандемическом мире роль России для индийской инвестиционной и коммерческой деятельности, в связи с разрушением существовавших трансграничных производственных «цепочек», будет возрастать. По мнению аналитика, индийских бизнесменов пугает и сдерживает «неопределенная» экономическая ситуация в России, возможность в ближайшее время нового экономического кризиса и отсутствие у властей «внятной» политики в отношении иностранного капитала и зарубежных инвестиций. Поэтому Россия воспринимается как некий «финансовый пузырь», готовый лопнуть в любой момент. Со своей стороны, А. Камалакаран полагает, что атмосфера в России для ведения индийцами бизнеса «глубоко дружественная», тем более что «поколение 45+» хорошо помнит годы советско-индийского «стратегического союзничества». Аналитик при этом подчеркивает: в Россию должны приезжать индийцы с «безупречной репутацией».

Какие виды трудовой деятельности способны осуществлять индийцы-мигранты в российской экономике, включая Сибирь и Дальний Восток? Индийский эксперт Индрани Талукдар (Indrani Talukdar), научный сотрудник Индийского совета по международным делам (Indian Council of World Affairs) в Дели, выделяет *четыре* перспективные отрасли возможной занятости индийцев в России. Список индийского специалиста выглядит следующим образом.

1. Строительство, включая жилищное (дома преимущественно эконом-класса), разработка полезных ископаемых, установка и ремонт различного оборудования.
2. Занятость на крупных, средних и малых предприятиях в таких отраслях промышленности, как производство информационных и цифровых технологий, утилизация отходов, здравоохранение, фармацевтика, биотехнологии, пищевая промышленность, агросектор и т. д.
3. Трудовая деятельность в металлургии и машиностроении.
4. Работа на предприятиях сферы обслуживания, где индийцами накоплен немалый профессиональный опыт.

Индийский автор, конкретизируя свои мысли, особо выделяет «сектор науки» (*science sector*) как многообещающую сферу двустороннего сотрудничества. По мнению индийского эксперта, наши страны могли бы объединить свои усилия в исследовании зоны вечной мерзлоты в Сибири, «разоблачая» тем самым заинтересованность Индии в освоении российской Арктики. В связи с возможным изменением климата автор призывает Индию участвовать в создании дорожно-транспортной и энергетической инфраструктуры северной части Сибири. Однако естественный вопрос о том, как и в каких формах и объемах ее страна собирается инвестировать в развитие Сибири, остается без ответа.

Потребительское отношение к связям с Россией несложно уловить и у других индийских экспертов. Так, Санджай Бару из Института оборонных исследований (IDSA) рассматривает индийско-российские связи как отношения между «экономикой с избыточными сырьевыми ресурсами» (РФ) и

«экономикой с избытком трудовых ресурсов и дефицитом энергоресурсов». Качество трудовых ресурсов Индии в статье не обсуждается и не оценивается. России без обиняков предлагается «упростить визовый режим, процедуру оформления вида на жительство, а также проводить понятную и прозрачную политику в отношении иностранных инвестиций». Дальний Восток России, по представлению данного эксперта, «может также стать производственной базой для индийских экспортеров, стремящихся получить доступ к рынкам Северо-Восточной Азии».

Подобные устремления, по мнению российских бизнесменов, веских оснований под собой не имеют. Желание через российский Дальний Восток внедриться в Северо-Восточную Азию отражает неудачи предыдущих усилий Индии интегрироваться в систему экономических отношений на Дальнем Востоке. Рабочая сила Индии, т. е. *человеческий капитал* страны, по своим качествам, включая адаптивность к новым технологиям и производствам, уступает трудовым ресурсам стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Индийская рабочая сила может быть использована на простых производствах и в благоприятных для жителей этой страны условиях, т. е. в низких широтах. По оценкам специалистов по трудовым ресурсам, эффективность кооперационных связей с Индией в сфере привлечения рабочей силы из этой страны в настоящее время за пределами государственных институтов двух стран выглядит проблематичной.

Одной из особенностей внешней политики Индии стало ее качественное идеологическое «сопровождение». Однако столкновение с действительностью нередко разрушает тщательно создаваемые пропагандистские стереотипы. Так, опыт «восточной политики» этой страны показывает, что Индия так

и не смогла интегрироваться в производственные «цепочки» в Юго-Восточной Азии, обеспечить свое устойчивое присутствие на рынках стран этого региона. Выделяют две основные причины геоэкономической несостоятельности Индии. Во-первых, страны Тихоокеанской Азии готовы к совместным с Индией *геополитическим* акциям с целью уравновесить влияние Китая в АТР, тогда как экономическая интеграция остается проблемой более или менее отдаленной исторической перспективы. Страны АСЕАН предпочитают сосредоточить свои политические усилия прежде всего на создании «общего рынка» в ЮВА. Во-вторых, индийская продукция пока малоконкурентоспособна на рынках ЮВА и Северо-Восточной Азии. Экономисты полагают, что конкурентоспособность Индии напрямую зависит от повышения качества «человеческого капитала» (знаний и умений человека и способности реализовать их в экономическом процессе), уровень которого пока не соответствует стандартам качества, принятым в Тихоокеанской Азии. Видимо, этот факт заслуживает пристального внимания при гипотетическом привлечении «демографического дивиденда» из Индии.

Особенности нынешней социально-демографической ситуации в Индии в том, что избыточная рабочая сила отличается, как правило, низкими качественными характеристиками, неготовностью к современной индустриальной и научно-технической деятельности, с одной стороны, и остро необходима (прежде всего ее квалифицированная часть) для реализации национальных программ «Делайте в Индии» и «Умные города» – с другой. Россия, таким образом, рискует получить «некондиционные» трудовые ресурсы из Индии, во-первых, и неизбежные проблемы их последующего рассредоточе-

ния по различным секторам и укладам народного хозяйства, во-вторых. Видимо, предложения индийской стороны по ввозу трудовых ресурсов в Россию нуждаются в дальнейшей, более детальной проработке, которая потребует дополнительного времени. Российским миграционным ведомствам целесообразно иметь в виду несколько обстоятельств *общего* характера, непосредственно относящихся к поискам оптимальной модели импорта рабочей силы из Индии. Среди них наиболее значительными представляются следующие.

1. Программа завоза индийской рабочей силы нуждается в предварительном тестировании в одном из российских регионов. Так, еще в феврале 2016 г. индийской стороне предлагался проект софинансирования агропроизводства в Челябинской области, предполагавший дальнейшее развитие в других секторах хозяйства, не исключая сотрудничества на предприятиях военно-промышленного комплекса. Первый этап программы предполагал с российской стороны институциональную поддержку администрации Челябинской области и Минсельхоза России. Видимо, стоило бы напомнить индийской стороне о данном проекте и повторить его условия.
2. Целесообразно изыскать способы и средства контроля за качеством индийской рабочей силы, предлагаемой к экспорту в Россию. Всеми доступными средствами нужно избежать ситуации, возникшей, например, на заводе компании BMW в федеральной земле Бавария в сентябре-октябре 2016 г., когда из 30 тыс. мигрантов к последующему исполнению своих производственных обязанностей были допущены 9 (!) человек.

3. В ходе переговоров по заводу индийской рабочей силы в Россию, видимо, следует заранее оговорить размер квоты мигрантов (желательно минимальный) с целью избежать неблагоприятных социально-культурных и политических последствий как для самих индийцев, так и для жителей принимающих иностранную (и иноязычную) рабочую силу российских регионов.

Послесловие

Нетрудно заметить: инвестиционные и миграционные потоки из Индии по основным направлениям в принципе совпадают. Западная Азия, Великобритания, США, Канада, страны южной части Тихоокеанского бассейна (Австралия, Новая Зеландия) и привычный с незапамятных времен выходцам из южной Индии «бананово-лимонный» Сингапур – вот основные маршруты и направления индийских миграционных потоков. Россия, как видно, не входит в число «земель обетованных». Наше сдержанное отношение к индийской миграции никак не означает отсутствие интереса к связям с «крупнейшей демократией мира» в сфере совместных экономических проектов. Долгое время российско-индийские связи были «улицей с односторонним движением»: мы предлагали двусторонние проекты, тогда как индийцы их неспешно рассматривали. Пришли иные времена. Пандемия коронавируса в режиме реального времени меняет парадигмы мировой экономики и политики. Деглобализация и регионализация мирового пространства сужают возможности трансконтинентальной торговли, принуждают искать удобные рынки сбыта на соседних или близлежащих территориях. В постпандемическом мире факторы «сжатия» времени, масштабности ре-

шений и действий, самостоятельности мышления приобретут особое значение. Энергичный рост потенциальных «глобальных городов» (Новосибирска, Владивостока, Мумбаи, Ченнаи, Бангалора) может быть ускорен активным потоком перекрестных инвестиций. Сейчас для наших стран главная задача – не упустить время, каждый месяц которого буквально на вес золота.

Список литературы

Володин А.Г. (2010) «Рост плюс развитие», или индийский опыт экономических реформ // *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. С. 91–98 // <https://arxiv.gaugn.ru/s0131-22270000616-2-1-ru-397/?reader=Y>, дата обращения 01.02.2021.

Володин А.Г. (2018) Логика направляемого развития в постколониальной Индии // *Вестник РАН*. № 1. С. 79–87 // https://elibrary.ru/download/elibrary_32205936_69508492.pdf, дата обращения 01.02.2021.

Calabrese J. (2020) India-Gulf Migration: A Testing Time // *Middle East Institute*, April 14, 2020 // mei.edu/publications/india-gulf-migration-testing-time, дата обращения 01.02.2021.

Chaudhry D., Tomar P., Joshi P. (2018) Deconstructing Indian Overseas Foreign Direct Investments // *Oxfam Discussion Papers*. March // icrier.org/pdf/Deconstructing_Indian_Overseas_FDI.pdf, дата обращения 01.02.2021.

Cohen R. (2019) *Migration. The Movement of Humankind from Prehistory to the Present*, London: Andre Deutsch.

Cuervo-Cazurra A., Ramamurti R. (eds.) (2014) *Understanding Multinationals from Emerging Markets*, Cambridge: Cambridge University Press.

Khanna P. (2019) *The Future Is Asian. Global Order in the Twenty-First Century*, London: Weidenfeld & Nicolson.

Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy, 1500–1990*, New York, Oxford: Oxford University Press.

Sauvant K.P., Pradhan J.P. (eds.) (2010) *The Rise of Indian Multinationals. Perspectives on Indian Outward Foreign Di-*

rect Investment, New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Van Tulder R., Verbeke A., Carneiro J., Gonzalez-Perez M.-A. (eds.) (2017) *The Challenge of BRIC Multinationals*, Bingley, UK: Emerald Group.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Direct Investment Exports and Emigration: The Experience of Modern India

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2021) Direct Investment Exports and Emigration: The Experience of Modern India. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 28–47 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Received: 12.12.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is written under financial support of the Russian Science Foundation at MGIMO-University (project no 19-18-00251).

ABSTRACT. *The article uses the example of independent India to study the correlation of investment and migration flows to foreign countries. It is shown that Indian investment flows, whose origins date back to the first half of the 1960s, were particularly active outside, mainly in industrialized countries, after the economic reform of 1991. The main interests and activities of Indian TNCs and their methods of work abroad are demonstrated. The possibilities of foreign activities of Indian investors in the new conditions of the coronavirus pandemic were evaluated. The central directions of investment flows and Indian foreign migration (USA, England, West Asia, etc.) are fundamentally the same. Adaptation of Indian immigrants is more successful*

in the countries where the English language is spoken. The problem of possible Indian migration to Russia is highlighted as a separate topic. Its potential positive and negative consequences for the economy and politics of the Russian Federation are outlined.

KEYWORDS: *India, foreign investment, labor migration, geography of foreign economic relations, Indian migrants in Russia*

References

Calabrese J. (2020) India-Gulf Migration: A Testing Time. *Middle East Institute*, April 14, 2020. Available at: mei.edu/

publications/india-gulf-migration-testing-time, accessed 01.02.2021.

Chaudhry D., Tomar P., Joshi P. (2018) Deconstructing Indian Overseas Foreign Direct Investments. *Oxfam Discussion Papers*. March. Available at: icrier.org/pdf/Deconstructing_Indian_Overseas_FDI.pdf, accessed 01.02.2021.

Cohen R. (2019) *Migration. The Movement of Humankind from Prehistory to the Present*, London: Andre Deutsch.

Cuervo-Cazurra A., Ramamurti R. (eds.) (2014) *Understanding Multinationals from Emerging Markets*, Cambridge: Cambridge University Press.

Khanna P. (2019) *The Future Is Asian. Global Order in the Twenty-First Century*, London: Weidenfeld & Nicolson.

Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy, 1500–1990*, New York, Oxford: Oxford University Press.

Sauvant K.P., Pradhan J.P. (eds.) (2010) *The Rise of Indian Multinationals. Perspec-*

tives on Indian Outward Foreign Direct Investment, New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Van Tulder R., Verbeke A., Carneiro J., Gonzalez-Perez M.-A. (eds.) (2017) *The Challenge of BRIC Multinationals*, Bingley, UK: Emerald Group.

Volodin A.G. (2010) “Growth plus Development” or Indian Experience of Economic Reforms. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 10, pp. 91–98. Available at: <https://arxiv.gau.ru/s0131-22270000616-2-1-ru-397/?reader=Y>, accessed 01.02.2021 (in Russian).

Volodin A.G. (2018) The Logic of Directed Development in Postcolonial India. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 79–87. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32205936_69508492.pdf, accessed 01.02.2021 (in Russian).